

мастерская художника

АНТОН УСПЕНСКИЙ

artist's studio

ANTON USPENSKIJ

ВЫСТАВКА ЗУРАБА Церетели в Русском музее – не просто вторая персональная выставка художника в Петербурге, она имеет ярко выраженную характерность, ее камерная интонация была закономерно обретена в процессе репрезентационной эволюции автора. Мне довелось писать о первой выставке Зураба Церетели, проходившей в петербургском «Манеже» («ДИ» №3, 2006). В той объемной экспозиции наиболее выразительным мне показался именно аспект художественного, что в применении к этому художнику означает – аспект живописного, недаром в одном из интервью он отрекомендовался: «живописец Церетели». Но тогда для масс-медиа более всего была желанна и питательна другая сторона творческой личности, востребованная в международном формате celebrity, обеспеченная статусами, должностями, званиями и прочая-прочая. Прессе невозможно было удержаться от искушения выявить «объективные показатели»: метраж, тоннаж, прейскурант. Конечно, художник-монументалист, по определению, – фигура государственного масштаба, что в сочетании с президентством дает неизбежный ореол публичности. Для меня была интересна личная, интимная территория творчества Церетели, как мне казалось, главные события происходят именно там, в стенах собственного ателье. Подтверждение того, что этот ракурс действительно интересен, принесла открывшаяся выставка «Мастерская Зураба Церетели».

Само понятие мастерской для современного художника – о чем, собственно, может идти речь? О последней модели ноутбука или о разбросанной по миру сети смежных высокотехнологичных цехов? Проницаемость, вариативность и дискретность сегодняшнего художественного пространства предполагают любые ответы на этот вопрос. Но для Церетели образ мастерской остается максимально близок типу ателье конца XIX – начала XX веков, в чем, за внешними стилистическими приоритетами, просматривается проблема самоидентификации художника. Выставка в Третьяковке еще конкретней называла его адрес «по прописке» – Франция, Париж.

Церетели можно назвать художником диалогов, и собеседников своих он не скрывает, самый обширный список его адресатов дает живопись. В предшественниках и предках у этого живописца весь европейский фигуративный модернизм первой трети XX века, при всех его разноплановых и многоязыких искателях. Да и не только «парижи», в одной из самых ранних работ «Смотрящий вдаль в ожидании» – цитата из Малевича, также есть Шагал, Гончарова, Сарьян, Салахов, Неизвестный. При том что возможна примерка стиля целиком, существует и фрагментарное цитирование, с предметами-маркерами: «Стул с белым цветком» – привет Ван-Гогу.

В живописных портретах, как в скульптуре и графике, сохраняется не только пластическое, но и смысловое разграничивание

На открытии выставки в Русском музее

Мэр Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко и Зураб Церетели на открытии выставки

THE EXHIBITION of Zurab Tsereteli in the State Russian Museum is not only the artist's second solo exhibition in St. Petersburg, but also a unique chance to experience a strong character and peculiar chamber intonation gained by the author during years of his creative development. Of course, as an artist – he is monumentalist, as a public person – he is famous to whole country and even abroad – the combination, which together with his presidency of the Russian Academy of Arts, gives the inescapable aura of great personality. But for me, far more interesting was a personal, intimate area of his creativity, as it seemed to me that the main events are taking place in artist's own studio. As a confirmation of my assumption came the exhibition «Studio of Zurab Tsereteli».

Studio of a contemporary artist – what does it mean and is it possible to speak about «workshop» or «studio» in 21st century? Shouldn't we rather speak about the latest model of a laptop or network of related high-tech ateliers scattered around the world? Permeability, variation and discreteness of today's art space suggest any answer to this question may be correct. However, workshop of Zurab Tsereteli is in the essence similar to the studio of late 19th – early 20th century and it can be a key to self-identification of author (apart from the external stylistic priorities). Tsereteli can be called an artist of dialogues, what more, he is never secretive about his partners, who are discernible best in his paintings. Extensive list of his predecessors and ancestors includes all masters of figurative painting of the European modernism during the first third of the twentieth century, with plentitude of seekers of a new expression, belonging to different styles. Zurab Tsereteli confirms his own nature of an artist belonging to pre-virtual 20th century, who continues to believe in the beautiful body, dynamic of lines and the gravity of a volume. In doing so, he maintains a balance between personal and actual. Exhibition is organized on the principle of installation, where on the one hand we have a «musealization» of the living classic, on the other – very contemporary playful conception. Partially recreated interior of artist's studio provided not only a unique chance to disclose mesmerizing mystery of creativity, but also it was a rare opportunity for the journalists to make exclusive pictures.

Зураб Церетели
Без названия
1991
Фотография,
смешанная техника
ММСИ

картинной среды на персонаж и фон. Объединяющим остается трактовка типажности, когда найденный образ не персонафицируется по профессиональным, возрастным или даже визуальным признакам, но обретает имя собственное. Пластически обобщенный персонаж подчиняется узнаваемой визуальной антропологии, оказывается неким указателем на свой жизненный прообраз, наследуя его имя – Додико, Придон, Фердинанд. В целом эволюция цветового строя, качество «цветоизвлечения» соответствует участвующему ритму жизни востребованного монументалиста, с годами все плотнее и экспрессивней становится его палитра, все выше скорость роста живописной фактуры. Наиболее сдержанный, не спешащий цвет сохранился на холстах 1985–1989 годов, самый широкий эмоциональный диапазон развернут в работах, написанных до 1992 года, когда и в названиях присутствует печаль, одиночество, пустота.

Сегодняшняя живопись Церетели – живопись сопротивления и упорства в отстаивании «приватного» творчества. Недаром посетившие его дом и студию, рассказывают о своеобразном режиме хозяйина, который, проводив за полночь гостей, отправляется работать в освободившуюся мастерскую. На открытии выставки об этом говорили все – и губернатор Петербурга Валентина Матвиенко, и директор Русского музея Владимир Гусев. Судя по работе «Друзья мои, я пошел спать... 3.30 утра» (1978), такому расписанию более тридцати лет. Думается, что причин страстно-интимного отношения к живописи у художника, как минимум, две. Первая – именно это творчество случается всегда напрямую, без посредников, помощников и учеников; в нем заложены только личные задачи и не прикладной итог работы. Вторая – уникальность, все остальные техники, в том числе и графика, – тиражные.

Знаменитая сторона его творчества как художника-монументалиста не осталась полностью вынесенной за скобки, о ней напоминал макет памятника жертвам терактов 11 сентября «Слеза скорби». Камерная модель, а не фотография реализованного проекта переводила внимание на изначальный посыл, первичный творческий жест – за возможной будущей мегаломанией предлагалось увидеть зерно замысла. Мне вспомнилось, как, искренне самоустраняясь, удивился один из художников группы АЕС+Ф, когда во дворе Мраморного дворца впервые увидел свою смонтированную скульптуру «Первый всадник»: «А ведь начиналось все с карандашного эскиза!».

Зураб Церетели утверждает себя как художника довиртуального XX века и продолжает верить в живописную плоть, динамику линии и тяжесть объема. При этом он выдерживает баланс между личным и актуальным: экспозиция организована по инсталляционному принципу, с одной стороны – музеефикация живого классика, с другой – модная игровая стратегия. Устроенный на выставке мастер-класс, с одной стороны, приоткрыл пресловутую тайну творчества, с другой – обеспечил журналистов эффектными кадрами. Церетели, руководствуясь не советами PR-службы, а интуицией, мастерски держит имиджевое равновесие, он умеет задавать такие вопросы, ответы на которые неискушенный зритель может (и хочет) найти самостоятельно. В нем нет отпугивающей герметичности демиурга, как нет и абсолютной прозрачности, противопоставленной интриге. Характер поведенческого рисунка автора и привлекательность процесса показа важны не меньше, чем качество самого предмета показа, и сегодня уже не делимы в его творчестве. И прославленный кожаный фартук, ведущий свое происхождение от художнических блуз модернистов и прозодежды авангардистов – необходимый элемент пресс-показа, как и легендарная палитра со скульптурными пластинами краски. Эпитеты яркий, щедрый, гостеприимный относятся в равной степени и к живописи Церетели, и к презентации его выставок, так, в Петербурге его вернисажи оказываются вне конкуренции во всех смыслах. Здесь в

Зураб Церетели
Без названия
1991
Фотография,
смешанная техника
ММСИ

Зураб Церетели
 Без названия
 1991
 Фотография,
 смешанная техника
 ММСИ

разы усиливается контраст «фигуры с фоном»: визит южанина на север (и прежде всего визуально) – праздничное событие, а привезенные им «сувениры» становятся катализаторами местного художественного, да и прочего, метаболизма.

Пригласить в мастерскую гостей – жест доверительный, расслабляющий, располагающий к хозяину. Показать себя «без мундира», напомнить: не все на службе жизнь проходит, мне есть еще чем вас удивить и порадовать. Широтой жеста, градусом темперамента, азар-

том процесса... Есть в такой репрезентации (как и в любой другой) неизбежное лукавство, вызванное победой эмоций над анализом, превосходством ситуативности над процессуальностью и прочими психологическими моментами. Что же, биографический и поведенческий ареал – не заказчик, художник и здесь волен в своем творчестве, мастерская строится под мастера. Такова самоидентификация художника Церетели, он предъявляет собственную карту мира и последовательно показывает нам: я – художник, «этим и интересен».